

СУХІЕ ЛИСТЯ.¹

По поводу послѣднихъ картинъ Виктора Васнецова.

Въ холодный осенній день, когда умирающіе листья, сверкая чахоточнымъ румянцемъ, беспомощно кружились по вѣтру печальными хороводами, я шель въ академію художествъ на выставку новыхъ картинъ Виктора Васнецова. Въ умѣ мелькали слышанныя недавно слова порицанія, осуждавшія этого художника за его рутинность и неискренность (страшное для художника обвиненіе!). Мне давно какъ-

[125]

то не приходилось видѣть картинъ Васнецова; хотѣлось провѣрить слышанные о немъ за послѣднее время отзывы. Въ пустынныхъ залахъ-галереяхъ академіи было почти такъ же холодно, какъ и на улицѣ. Холодомъ пахнуло на меня и съ трехъ громадныхъ картинъ, выставленныхъ въ этихъ залахъ.

Не глубокіе, но все же въ свое время вылившіеся изъ души типы Васнецовской религіозной живописи всѣ были тутъ на лицо. Однако впечатлѣніе чего то застывшаго, безразличнаго, мертвеннаго, впечатлѣніе чего-то неувѣреннаго въ своей жизни мѣшало смотрѣть, созерцать, не позволяло уйти въ глубь изображаемаго, становилось на пути, когда я хотѣлъ найти душу картины.— Потому что красота рождается только отъ соприкосновенія души созерцающаго съ душою созерцаемаго.—Я не нашель души. Я не увидѣлъ красоты. На меня безучастно глядѣли холодно созданныя оболочки, давно извѣстныя формы, ставшія почти формулами. Оболочки, которыя ничего не облекають, за которыми нѣтъ жизненнаго начала—души... Оперные жесты безъ истинныхъ порывовъ, театральныя оскаль зубовъ безъ дѣйствительной злобы,

¹ Конст. Сюннерберг, «Сухие листья», *Золотое руно*, 1906, №1, 124-26.

поверхностный обликъ райской радости безъ рая, мелодраматическая печаль глазъ безъ потрясающей трагедіи духа... Все такъ холодно, бездушно, чиновно.

И лишь одно мгновение почудилось мнѣ присутствіе глубины, искренности. Въ Распятіи, слѣва отъ креста, за Маріей и Іоанномъ,—фигура плачущей женщины. Глаза закрыты рукой, и только губы говорятъ о глубокой скорби. Едва уловимый изгибъ верхней губы. Въ этой линіи рта чувствовалось что-то значительное. Казалось,—здѣсь, наконецъ, откроется душа художника, казалось,—вотъ, вотъ, явится красота... Но я не нашель души. Я не увидѣль красоты. Что помѣшало? Сосѣдство съ цѣлымъ рядомъ мертвенныхъ, неискренне созданныхъ образовъ? Впечатлѣніе холода, замерзанія, которымъ вѣяло отъ нихъ?..

Въ объясненіи главной картины выставки сказано, что „Страшный Судъ” исполненъ „согласно древне-русскимъ иконописнымъ подлинникамъ”. Что же взялъ Васнецовъ изъ этого вдохновеннаго источника?—Только внѣшнюю оболочку старинныхъ иконъ, да и то лишь отчасти. Онъ воспользовался только древнимъ обычаемъ изображенія страшнаго суда, только выборомъ дѣйствующихъ лицъ и расположеніемъ фигуръ. Въ этомъ смыслѣ картина написана, „какъ положено по уставу” древней иконописи. Но наивной искренности старинныхъ иконъ, ихъ глубоко-мистической окрыленности онъ не перенялъ. Да этого и нельзя перенять; это надо пережить, провести сквозь свою душу. Тогда только загорится картина красотой.

Когда, уходя съ выставки, я обернулся издали на громадное полотно „Страшнаго Суда” съ многоцвѣтной вер-

[126]

ницей ангеловъ и праведниковъ, съ цѣлыми вихрями грѣшниковъ въ адскомъ огнѣ, я почему-то вспомнилъ о блеклыхъ листьяхъ на улицѣ. Въ осеннюю пору увяданія талантъ блекнетъ, какъ листва на деревѣ. Тщетно старается художникъ

возмѣститъ недостатокъ искренности внѣшней, поверхностной красотью
картины, тщетно пытается убѣдить въ чемъ-то зрителя красивыми красочными
чередованиями: — это румянецъ умиранія, чахоточный румянецъ. И какъ
иссохшіе листья несутся куда-то по вѣтру, такъ проносятся передъ глазами
холодные образы Васнецовскихъ картинъ, — сухіе, не одухотворенные,
безжизненные, никому не нужные...

Конст. Сюннербергъ